

221	0173-01	ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ	“Не поговорили”	Часть 1 “Музыканты уходят”
222	0173-02	ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ	“Не поговорили”	Часть 2 “В чужом доме”

“Не поговорили” (Коренблит – Левитанский)

Часть 1 “Музыканты уходят”

1. Невермор	– 2.12
2. Зачем дураку море?	– 1.20
3. Кораблик	– 2.05
4. Пахнет черёмухой	– 2.34
5. Река Лена	– 2.26
6. А в лесу	– 1.33
7. Что делает дождь	– 1.47
8. Музыка	– 2.10
9. Чужая женщина	– 2.42
10. Вишневый сок	– 2.38
11. Листья	– 2.00
12. Музыканты уходят	– 2.30
13. Живу ожиданием встречи	– 2.12
14. Сжигаю мосты	– 1.36
15. Предзимье	– 2.08
16. Холода	– 2.12
17. Снег этого года	– 1.52
18. Белый дом	– 3.11
19. Шуба	– 1.53
20. Художник	– 1.28
21. Зачем?	– 1.54
22. Разлюбили	– 1.28

Общее время звучания – 45.52

Общее время звучания – 95.13

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 “Музыканты уходят”

1. НЕВЕРМОР

Как зарок от суесловья, как залог
и попытка мою душу уберечь,
в эту книгу входит море – его слог,
его говор, его горечь, его речь.

Не спросившись, разрешенья не спросив,
вместе с солнцем, вместе с ветром на паях
море входит в эту книгу, как курсив,
как случайные пометки на полях.

Как пометки – эти дюны, эта даль,
сонных сосен уходящий полукруг...
Море входит в эту книгу, как деталь,
всю картину изменяющая вдруг.

Всю картину своим гулом окатив,
незаметно проступая между строк,

море входит в эту книгу, как мотив
бесконечности и судеб, и дорог.

Бесконечны эти дюны, этот бор,
эти волны, эта темная вода...
Где мы виделись когда-то? Невермор.
Где мы встретимся с тобою? Никогда.

Это значит, что бессрочен этот срок.
Это время не беречься, а беречь.
Это северное море между строк,
его говор, его горечь, его речь.

Это север, это северные льды,
сосен северных негромкий разговор.
Голос камня, голос ветра и воды,
голос птицы из породы Невермор.

2. ЗАЧЕМ ДУРАКУ МОРЕ

Подарили дураку море.
Он потрогал его. Пощупал.

Обмакнул и лизнул палец.
Был соленым и горьким палец.

Тогда в море дурак плюнул.
Близко плюнул. Подальше плюнул.

Плевать в море всем интересно.
Дураку это даже лестно.

Но устал он. И скучно стало.
Сел дурак на песок устало.

Повернулся спиной к прибою.
Стал в лото играть. Сам с собою.

То выигрывает, то проигрывает.
На губной гармошке поигрывает.

Проиграет дурак море!
А зачем дураку море?

3. КОРАБЛИК

Весною мир – красочный.
Весною он – сказочный.

В листе грачи возятся.
В ручьях сказки водятся.

А в сказки я – верую.
Я ветку взял вербную.

Спрошу в бюро адресном:

- А где живет Андерсен?

Девчонка в бюро адресном
по случаю дня вешнего

глядит на меня радостно,
мне отвечает вежливо:

- Идите по Светлой улице,
а после – по Теплой улице.

Там во дворе – лужица.
Над нею белье сушится.

Зяблик над ней кружится.
Кораблик по ней плавает.

Кораблик тот – маленький.
бумажный он, беленький.

В кораблике том маленький
сидит муравей, бедненький.

Садитесь и вы как следует.
Как раз он туда и следует.

И я поплыла б с охотою –
но я до пяти работаю...

И я на прощанье девочке
дарю половину веточки.

Потом я иду по адресу,
в кораблик сажусь маленький.

В гости плыву к Андерсену.
Со мной – муравей маленький –

Над нами идут лошади.
Как тучи они, черные.

Над нами вверху троллейбусы.
Как горы они, страшные.

А небо в ручьях – синее.
Течение в них – сильное.

Скалы торчат острые.
Радуги висят пестрые.

Кораблик бежит – маленький.
Бумажный он, беленький.

Держись, мой дружок маленький,
мой муравей бедненький!

4. ПАХНЕТ ЧЕРЕМУХОЙ

Кто-нибудь утром проснется сегодня и ахнет,
и удивится – как близко черемухой пахнет,
пахнет влюбленностью, пахнет любовным признанием,
жизнь впереди – как еще не раскрытая книга.

Кто-нибудь утром проснется сегодня и ахнет,
и удивится – как быстро черемуха чахнет,
сохнет под окнами деревце, вьюгою пахнет,
пахнет снегами, морозом, зимой, холодами.

Кто-нибудь утром сегодня совсем не проснется,
кто-нибудь тихо губами к губам прикоснется,
и задохнется – как пахнет бинтами и йодом,
и стеарином, и свежей доскою сосновой.

В утреннем воздухе пахнет бинтами и йодом,
и стеарином, и свежей доскою сосновой,
пахнет снегами, морозом, зимой, холодами
и – ничего не поделать – черемухой пахнет.

Пахнет черемухой в утреннем воздухе раннем.
Пахнет влюбленностью, пахнет любовным признанием.
Что бы там ни было с нами, но снова и снова
пахнет черемухой – и ничего не поделать!

5. РЕКА ЛЕНА

Я не был там какой уж год.
По праздности? По лени?
Высокий белый пароход
спускается по Лене.
Кружится чайка за бортом,
и на скамейке с краю
с широкоскулым якутом
я в шахматы играю.
Подходит к нам его жена.
Она садится слева.
Какая у него жена –
ну просто королева!
Какие у нее глаза!
Коса у ней какая!
Я грустно отвожу глаза,
ладью передвигая.
Притом я смутно сознаю,
что нравлюсь королеве.
Я каждым ходом создаю
угрозу королеве.
Исход неясен до поры,
но если б она знала,

как я страшусь конца игры
 и как я жду финала!..
 Потом проходит целый год.
 Вода не убывает.
 Высокий белый пароход
 все дальше уплывает.
 Там зябко на исходе дня.
 И лето на исходе.
 И странно мне, что нет меня
 на этом пароходе.
 О, захолустные места!
 Скрипучие ступени!
 И деревянного моста
 железное терпенье.
 Там женщина среди цветов
 идет, меня не зная,
 и радуга семи цветов –
 как ягода лесная.

6. А В ЛЕСУ

С деревянным домом живу в ладу.
 Собираю хворост и в печь кладу.
 За водой иду и варю еду
 из картошки да из крупы.
 А потом я корни ищу в лесу.
 А потом я корни домой несу,
 чтобы там разобраться в них.
 А старательный дятел – все тук да тук.
 А сосна надо мною – все скрип да скрип.
 И стоит сыроежка, печальный гриб,
 дурачок на одной ноге...
 Вот ушел я от суеты сует.
 Ни о чем душа моя не болит.
 Телефонный мой торопливый быт
 где-то в прошлом – как неолит.
 Там под слоем пыли молчат часы.
 Там лежит в беспамятстве календарь.
 Телефонная трубка на рычаге,
 как удушенница, висит.
 А в лесу стоит деревянный дом
 и летит, как бабочка, желтый лист.
 Сыроежка, недальновидный гриб,
 хочет сам себя обмануть.

7. ЧТО ДЕЛАЕТ ДОЖДЬ!

Смотрите, что делает дождь!
 А как настороженны липы!
 Вот тут вы как раз и вошли бы,
 пока не окончился дождь.

Пока не случилась беда,
 вошли бы в мерцании капель.
 Я камень лежащий, я камень,

заброшенный кем-то сюда.

Вам так меня тронуть легко!
И вы меня стронуть могли бы.
Смотрите, как жертвенны липы,
как дышится в ливень легко!

Я все вам потом возьму.
Однажды зимой, при морозе,
я все опишу это в прозе
и всю ее вам посвящу.

И я назову ее так:
«Записки лежачего камня».
А может быть – «Исповедь камня».
А может быть, даже не так.

И я назову ее «Дождь».
И станет название прологом.
И станет великим пророком
мне вас напорочивший дождь.

Все это я вам подарю,
чтоб так же и вас поднимало.
И я понимаю, как мало
я, в сущности, вам подарю.

8. МУЗЫКА

Музыка, свет не ближний,
дождь, на воде круги.
Музыка, третий лишний,
что же ты, ну, беги!

Выдохлась? Притомилась?
Хочешь не хочешь – пой?
Музыка, сделай милость,
очередь за тобой.

С каждою перебежкой –
дождь, на воде круги.
Музыка, ну, не мешкай,
музыка, ну, беги!

Не дожидаясь зова,
не выбирая дня,
круг беги, и снова
встань впереди меня.

Да не сочтем за муку
этот, из века в век,
по роковому кругу
замороженный бег.

Этот смиренный пафос
и молчаливый зов
перемещенья пауз,
звуков и голосов.

Это чередованье
флейты и бубенца.
Это очарованье
дудочки и скворца.

Это – сплетенье вьюги
с песенкою дрозда.
Это – синицей в руки
выпавшая звезда.

Это – звезда и полночь,
дождь, на воде круги.
Этот призыв на помощь –
музыка, помощи!

9. ЧУЖАЯ ЖЕНЩИНА

В чужом окне чужая женщина не спит.
Чужая женщина в чужом окне гадает.
Какая карта ей сегодня выпадает?
Пошли ей, Господи, четверку королей!

Король бубей, король трэфей, король червей,
король пиковый, полуночная морока.
Все карты спутаны – ах, поздняя дорога,
пустые хлопоты, случайный интерес.

Чужая женщина, полночное окно.
Средина августа, пустынное предместье.
Предвестье осени, внезапное известье
о приближенье первых чисел сентября.

Чужая женщина, случайный интерес.
Все карты спутаны, последний лепет лета.
Средина августа, две дамы, два валета,
предвестье осени, девятка и король.

Предвестье осени, преддверье сентября.
Невнятный шелест, бормотанье, лепетанье.
Дождя и тополя полночное свиданье,
листвы и капель полусонный разговор.

Чужая женщина, полночное окно.
Средина августа, живу в казенном доме.
Преддверье осени, и ночь на переломе,
и масть бубновая скользит по тополям.

Чужая женщина, последний свет в окне.
И тополя меняют масть, и дом казенный

спит, как невинно осужденный и казненный
за чьи – неведомо, но тяжкие грехи.

10. ВИШНЕВЫЙ СОК

Тихо. Сумерки. Бабье лето.
Четкий, частый, щемящий звук –
будто дерево рубят где-то.
Я засыпаю под этот звук.

Сон происходит в минувшем веке.
Звук этот слышится век назад.
Ходят веселые дровосеки,
рубят, рубят вишневый сад.

У них особые на то виды.
Им смешны витающие в облаках.
Они аккуратны. Они деловиты.
У них подковки на сапогах.

Они идут, приминая травы.
Они топорами облечены.
Я знаю – они, дровосеки, правы.
Эти деревья обречены.

Но птица вскрикнула, ветка хрустнула,
и в медленном угасанье дня
что-то вдруг старомодно грустное,
как дождь, пронизывает меня.

Ну, полно, мне-то что быть в обиде!
Я посторонний. Я ни при чем.
Рубите вишневый сад! Рубите!
Он исторически обречен.

Вздор – сантименты! Они тут лишни.
А ну, еще разик! Еще разок!
... И снова снятся мне вишни, вишни,
красный-красный вишневый сок.

11. ЛИСТЬЯ

Люблю осеннюю Москву в ее убранстве светлом,
когда утрами жгут листву, опавшую под ветром.
Огромный медленный костер в конце аллеи где-то
гудит, как траурный костел, - там отпевают лето.
И тополь гол, и клен поник, стоит, печально горбясь.
И все-таки своя у них, своя у листьев гордость.
Ну что с того, ну что с того, что смяты и побиты!
В них есть некое торжество предчувствия победы.
Они полягут в этот грунт, собой его удобрят,
но их потомки их потом припомнят и одобряют.
Слезу случайную утрут, и в юном трепетанье
самопожертвенный их труд получит оправданье.
...Парит, парит гусиный клин, за тучей гуси стонут.

Горит, горит осенний клен, золою листья станут.
 Бульвар ветрами весь продут, он растает с летом.
 А листья новые придут, придут за теми следом.

12. МУЗЫКАНТЫ УХОДЯТ

Я люблю эти дни, когда замысел весь уже ясен и тема угадана,
 а потом все быстрее и быстрее, подчиняясь ключу, -
 как «Прощальной симфонии» - ближе к финалу – ты помнишь, у Гайдна, -
 музыкант, доиграв свою партию, гасит свечу
 и уходит – в лесу все просторней теперь – музыканты уходят –
 партитура листья обгорают строка за строкой –
 гаснут свечи в оркестре одна за другой – музыканты уходят –
 скоро-скоро все свечи в оркестре погаснут одна за другой –
 тихо гаснут березы в осеннем лесу, догорают рябины,
 и по мере того, как с осенних осин облетает листва,
 все прозрачней становится лес, обнажая такие глубины,
 что становится явной вся тайная суть естества –
 все прсторней, все глуше в осеннем лесу – музыканты уходят –
 скоро скрипка последняя смолкнет в руке скрипача -
 и последняя флейта замрет в тишине – музыканты уходят –
 скоро-скоро последняя в нашем оркестре погаснет свеча...
 Я люблю эти дни, в их безоблачной, в их бирюзовой оправе,
 когда все так понятно в природе, так ясно и тихо кругом,
 когда можно легко и спокойно подумать о жизни, о смерти, о славе,
 и о многом другом еще можно подумать, о многом другом.

13. ЖИВУ ОЖИДАНИЕМ ВСТРЕЧИ

Осенняя роща, едва запотевший янтарь,
 и реки, и броды.
 Пора опадающих листьев, высокий алтарь
 притихшей природы.

Пора опадающих листьев, ты что мне сулишь?
 Живу ожиданием встречи.
 А все, что меня окружает, -
 всего только лишь кануны ее и предтечи.

Чего ожидаю? Зачем так опасно спешу
 все метить особою метой?
 Живу ожиданьем, одним только им и дышу,
 как рощею этой.

Осенняя роща, о мой календарь отрывной,
 мой воздух янтарный,
 где каждый березовый лист шелестит надо мной,
 как лист календарный.

О мой календарь, упаси и помилуй меня,
 приблизь эти числа!
 Иначе все дни и все числа без этого дня
 лишаются смысла.

Живу ожиданьем, помилуй меня, календарь –

живу ожиданием встречи.
 ...Осенняя роща, природы священный алтарь,
 и теплятся свечи.

14. СЖИГАЮ МОСТЫ

Горящими листьями пахнет в саду.
 Прощайте, я больше сюда не приду.
 Дымится бумага, чернеют листы.
 Сжигаю мосты.

Чернеют листы, тяжелеет рука.
 Бикфордовым шнуром дымится строка.
 Последние листья, деревья пусты.
 Сжигаю мосты.

Прощайте, прощальный свершаю обряд.
 Осенние листья, как порох, горят.
 И капли на стеклах, как слезы, чисты.
 Сжигаю мосты.

Я больше уже не приду в этот сад.
 Иду, чтоб уже не вернуться назад.
 До ранней, зеленой, последней звезды
 сжигаю мосты.

15. ПРЕДЗИМЬЕ

Я весть о себе не подам,
 и ты мне навстречу не выйдешь.
 Но дело идет к холодам,
 и ты это скоро увидишь.

Былое забвенью предам,
 как павших земле предавали.
 Но дело идет к холодам,
 и это поправишь едва ли.

Уйти к Патриаршим прудам,
 по желтым аллеям шататься.
 Но дело идет к холодам,
 и с этим нельзя не считаться.

Я верю грядущим годам,
 где все незнакомо и ново.
 Но дело идет к холодам,
 и нет варианта иного.

А впрочем, ты так молода,
 что даже в пальтишке без меха
 все эти мои холода
 никак для тебя не помеха.

Ты так молода, молода,
а рядом такие соблазны,
что эти мои холода
нисколько тебе не опасны.

Простимся до Судного дня.
Все птицы мои улетели.
Но ты еще вспомнишь меня
однажды во время метели.

В морозной январской тиши,
припомнив ушедшие годы,
ты варежкой мне помаши
из вашей холодной погоды.

16. ХОЛОДА

Замирая, следил, как огонь подступает к дровам.
Подбирал тебя так, как мотив подбирают к словам.

Было жарко поленьям, и пламя гудело в печи.
Было жарко рукам и коленям сплетаться в ночи...

Ветка вереска, черная трубочка, синий дымок.
Было жаркое пламя, хотел удержать, да не мог.

Ах, мотивчик, шарманка, воробышек, желтый скворец –
упорхнул за окошко, и песенке нашей конец.

Доиграла шарманка, в печи догорели дрова.
Как трава на пожаре, остались от песни слова.

Ни огня, ни пожара, молчит колокольная медь.
А словам еще больно, словам еще хочется петь.

Но у Рижского взморья все тише стучат поезда.
В заметенном окне полуночная стынет звезда.

Возле Рижского взморья, у кромки его берегов,
опускается занавес белых январских снегов.

Опускается занавес белый над сценой пустой.
И уходят волхвы за неверной своею звездой.

Остывает залив, засыпает в заливе вода.
И стоят холода, и стоят над землей холода.

17. СНЕГ ЭТОГО ГОДА

Из подъезда – и сразу в метель.
Задохнуться от быстрого бега.
В лебединое озеро снега,
в суматошную ту канитель.

Только нынешний снег – не такой.

Он идет мимо нас виновато.
Он лежит, как больничная вата,
и блестит, как приемный покой.

Он смыкается, как западня.
Он спешит, как великий ученый,
тот помешанный, тот обреченный,
обрекающий вас и меня.

Человечество сходит с ума.
Этот снег – он идет, как расплата.
Оседают крупницы распада
на дворы, фонари и дома.

Осторожней, на улице снег!
Покупайте ушанки и шапки!
Надевайте ушанки и шапки,
чтоб не падал на волосы снег!

Торопитесь купить и надеть!
Только надо надвинуть поглубже.
И тогда уже можно поглубже
не глядеть, не глядеть, не глядеть.

И тогда уже можно глаза
у идущих навстречу не видеть.
Это старое средство – не видеть
у идущих навстречу глаза.

Совершай свое дело, зима!
Вот я тоже глаза прикрываю.
Я дурацкий колпак надеваю,
человечество сходит с ума.

18. БЕЛЫЙ ДОМ

Снег под утро реже, реже,
и как промельк в облаках –
белый дом на побережье,
возле моря в двух шагах.

В этом доме белом-белом,
где шаги приглушены,
где иных не слышно звуков,
кроме звука тишины,

в этом доме тихом-тихом,
где покой и полумрак,
там свои бушуют бури –
не подумаешь никак.

Там гремят такие грозы –
просто вам их не слышать.
Там такие вихри кружат –

просто вам их не видать.

Там гудят такие шквалы,
дуют ветры всех широт.
Там и взрывы, и обвалы
вулканических пород...

В этом доме, таком тихом,
я зимой однажды жил.
Тихо музыка играла,
снег за окнами кружил.

И никто б не мог подумать,
что за тою вон стеной
день и ночь бушует лава,
ходит почва подо мной.

И никто б не мог представить,
что на том вон этаже
подо мною твердь земная
разверзается уже.

Грозно пламя бушевало,
грохотал девятый вал –
сам не помню, как, бывало,
я на берег выплывал...

Зимний берег побелевший,
зимних сосен бахрома.
Белый дом на побережье,
дом как дом, как все дома.

Гаснет в окнах луч прощальный,
свет зажегся там и тут.
Ходит шторм девятибальный.
Рододендроны цветут.

19. ШУБА

То ты в слезы, то в хохот.
Столько шуму наделала.
Убежала на холод.
Хоть бы шубу надела!
Ты под снежною крупкою
стала хрупкою-хрупкою,
стала маленькой-маленькой,
совершенно беспомощной.
Вот и кончился пригород.
Как леса здесь бесшумны!
Белки рыжие прыгают.
Ну куда ты без шубы?
Все ты по снегу, по снегу,
по вечернему, позднему,
в этих туфельках бежевых,

в этом свитере тоненьком.
 Ты затянута изморозью.
 То шагнешь, то оступишься.
 Как ты вырвешься из лесу?
 Ведь без шубы простудишься.
 Лес большой. Лес не кончится.
 Спать ужасно захочется.
 Ты прислонишься к дереву
 и задремлешь, усталая.
 Под холодными звездами
 я бегу за тобою.
 Я кружу между соснами.
 Я бегу за тобою.
 Я кричу: - Возьми шубу!
 Я в сугробы проваливаюсь.
 Между тихими соснами –
 шубу! – слышится – шубу!

20. ХУДОЖНИК

Я руку и сердце нарисовал
 красками на картоне.
 Там сердце мое, как червовый туз,
 лежит на моей ладони.

И так как полцарства нет у меня,
 а тем более – полумира,
 прими от меня этот скромный дар
 в качестве сувенира.

А дабы значенье ему придать
 дарственной, что ли, вроде,
 я выведу крупно карандашом
 надпись на обороте –

мол, руку свою и сердце свое,
 аки жених во храме,
 дарит старый король тrefей
 юной бубновой даме.

А понеже полцарства нет у него,
 а тем паче нет полумира,
 сей скромный дар он просит принять
 в качестве сувенира.

Ну, а коль не изволит она его
 честью почтить такую –
 она может вернуть ему сердце его
 вместе с его рукою.

21. ЗАЧЕМ?

Зачем послал тебя Господь
 и в качестве кого?
 Ведь ты не кровь моя, не плоть

и, более того,
 ты даже не из этих лет –
 ты из другого дня.
 Зачем послал тебя Господь
 испытывать меня
 и сделал так, чтоб я и ты –
 как выдох и как вдох –
 сошлись у края, у черты,
 на стыке двух эпох,
 на том незримом рубеже
 как бы вневременном,
 когда ты здесь, а я уже
 во времени ином
 и сквозь завалы зим и лет,
 лежащих впереди
 уже кричу тебе вослед –
 стой, не уходи! –
 сквозь полусон и полубред –
 не уходи, стой! –
 еще вослед тебе кричу,
 но ты меня не слышишь.

22. РАЗЛЮБИЛИ

Разлюбили. Забыли. Так однажды забыли,
 будто двери забили и все окна забили.
 В заколоченном доме моем не светает.
 Только слышу, как с крыши сосулька слетает.
 Кто-то мимо проходит. Кого-то зовут.
 В заколоченном доме моем только звуки живут.
 Только звуки приходят ко мне и гостят у меня.
 Звуки ваших часов. Звуки вашего дня.
 Вот я слышу, как вы зажигаете свет через тысячу стен от меня.
 Ваше платье упало на стул. Это вы раздеваетесь.
 Вы гребенкою чешете волосы. Это гроза.
 Через тысячу стен этих слышу, как вы раздеваетесь,
 как вы дышите, как закрываются ваши глаза,
 как становится тихо потом, а потом, погода...
 Белый звук снегопада. Зеленые звуки дождя.